

душа вашего под- рост- ка

Священник Петр Коломейцев
Психологи Валентина Казанская
Петр Дмитриевский
Педагог Владимир Стрелов
Социолог Мария Слипка

гид-антистресс
для родителей

Валентина Казанская

**Душа вашего подростка. Гид-
антистресс для родителей**

«Никея»

2016

УДК 37.013.77

ББК 88.8

Казанская В. Г.

Душа вашего подростка. Гид-антистресс для родителей /
В. Г. Казанская — «Никея», 2016

ISBN 978-5-91761-563-9

Подростковый возраст – время взросления, важный этап формирования личности, который ставит перед родителями множество вопросов: что происходит в организме подростка, в его психике и душе. Мы склонны сравнивать своих детей с собой в том же возрасте, не учитывая, что современные подростки отличаются от нас, выросших в 70—90-е годы XX века. Авторы книги – врачи, психологи, педагог и священник – постарались дать родителям представление о содержании этого этапа развития подрастающего человека с учетом реалий современной жизни и актуальных проблем сегодняшнего дня.

УДК 37.013.77

ББК 88.8

ISBN 978-5-91761-563-9

© Казанская В. Г., 2016

© Никея, 2016

Содержание

Введение	6
Подросток глазами священника	8
Глава 1	9
Выходящий в мир	9
Время равноправных уважительных отношений	10
Рождение родительского авторитета	11
На стороне подростка: как сохранить контакт	13
Воровство	14
Зачем подростки врут	15
Проблемы с учебой	18
Свобода выбора – путь взросления	18
Глава 2	21
Церковные каноны	21
Что происходит с верой подростка	22
В поисках автономии	24
Как говорить с подростком о Боге	25
Особое детское пространство	26
Подросток на исповеди	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Священник Петр Коломейцев, Валентина
Георгиевна Казанская, Петр Витальевич
Дмитриевский, Владимир Сергеевич
Стрелов, Мария Ивановна Слипка
Душа вашего подростка. Гид-
антистресс для родителей**

*Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви ИС
Р16-601-0028*

Введение

Иерей Петр Коломейцев

Подросток... Когда мы произносим это слово, в нашем воображении возникает трогательный образ: уже не ребенок, но еще не взрослый. В нем уже пробудилось желание самостоятельности и настоящей взрослости, стремление выйти из-под родительской опеки и в то же время сохранилось что-то незавершенное, хрупкое. Как в ростке, развитие которого сложно предугадать. Его может придавить камнем, и он вырастет искривленным. И даже потом, когда мы уберем этот камень, он выпрямится, но не до конца, искривление так и останется в нем.

Подросток все еще чувствует себя центром вселенной, как маленький ребенок, считающий, что мамы, папы и бабушки вращаются вокруг него и созданы, чтобы о нем заботиться. Но вопросы, с которыми он начинает сталкиваться, уже вполне взрослые: он задумывается как о смысле жизни вообще, так и о смысле своей собственной жизни, он определяется, что будет считать добром, а что злом, он ищет свое призвание. Подростку приходится принимать решения, которые определяют всю его будущую жизнь – какой выбрать вуз, с кем заводить отношения, поэтому он убежден, что занят самыми важными в мире вопросами, что всё вокруг – о нем и для него.

И в каком-то смысле он прав, ведь подросток, как Адам, смотрит на мир впервые. Ребенком он принимал все как должное, безоценочно, включая взгляды и оценки родителей, а теперь на каждый вопрос ищет свой собственный ответ. Любое явление, любое мнение, любой человек будет им взвешен и оценен: «С этим я соглашаюсь, с этим – нет. Это я принимаю, а это мне не подходит».

Так начинается самый важный период в жизни человека, но еще и самый трудный – и для него самого, и для родителей. Все, что он делает, он делает впервые, у него нет опыта. Он растет, но он не знает, во что он вырастет. Он стремится, но не знает куда. Он хочет быть, но не знает кем. У него есть только этот жгучий порыв. Он будто бы всем показывает, что не нуждается в опеке, что он вообще ни в чем не нуждается – только в свободе. Ведь только в состоянии полной свободы можно понять, кто ты, только в полной тишине можно услышать голос собственного «Я».

Но не только в свободе нуждается подросток, еще больше ему необходимы внимание, помощь, а самое главное – любовь. Тут-то и возникает противоречие, потому что взрослым кажется, что близость между ними и ребенком кончилась. Подросток становится грубым, непослушным, упрямым, старается отмахнуться от родителей, как от назойливых мух. Он от всех дистанцируется, старается быть не таким, каким его хотят видеть взрослые. Взрослым кажется, что самое главное, чего хочет подросток, – чтобы от него наконец отстали. Нет уже того нежного и милого чада, которое нуждалось в родителях и по каждому поводу призывало их.

Как родителям догадаться, что именно сейчас подросток испытывает острую потребность в понимании и очень мудром руководстве? Таким руководством, которое ничего не навязывает, а действительно помогает. Подросток как бы просит: «Помоги мне сделать это самому». Несмотря на его ершистость, он продолжает нуждаться в любви, потому что на самом деле он еще не вырос. В нем много неуверенности, тревоги, чувства одиночества. Он выходит за пределы семейного круга, но, чтобы смело выйти, нужно быть уверенным, что за спиной надежный тыл. И если семья для подростка и правда безопасное место, где можно отдохнуть и набраться сил, тогда родители помогут ему вырасти, научат уверенности и возрастят умение самому находить безопасную гавань внутри себя.

Родительская любовь должна быть безусловной, когда любят не за что-то конкретное, а всегда, вопреки всему и без сиюминутных причин. Не за то, что ты послушный. Не за то,

что ты делаешь уроки. Безусловная любовь – это когда тебя любят за то, что ты есть, и принимают таким, какой ты есть. Подростку очень важно почувствовать, что он остается ценным для родителей, просто потому что он – это он.

Так любить подростка сложно. Для этого надо попытаться увидеть в нем ту личность, того человека, который задуман Богом. Как помочь раскрыться именно этой неповторимой индивидуальности? Родителям кажется, что подросток отбивается от рук, а он всего-навсего хочет быть самим собой, хочет проявить свою индивидуальность. Он бунтует, когда родители пытаются сделать из него кого-то, кем он не является, когда в нем пытаются воплотить свои планы и амбиции. Он борется, но не против родителей, а за самого себя. Вот почему, возможно, лучший способ проявить свою любовь – держаться на некоторой дистанции, не спрашивать, особенно если подросток не в настроении делиться, не навязывать своих рассуждений, не входить в комнату без стука. Родитель как бы создает невесомый кокон бережного уважения, в котором подросток чувствует себя одновременно и свободно, и спокойно.

Этот период может быть полон больших разочарований, большого недовольства собой, больших неудач. Но также он может стать и источником больших открытий, душевного роста, удивительного познания подростком самого себя. А еще подростковый возраст может стать огромным сюрпризом для родителей. Именно в этот период они обнаруживают, кого именно, что за личность, что за человека вручил им Господь для воспитания.

Родительская гордость за свое чадо – это не гордость за плоды своих трудов. Родительская гордость – это гордость за чадо, которое доверено им Господом. Нужно уметь смотреть на ребенка не как на свое продолжение и объект творческих усилий, а как на суверенную богоданную личность. Смотреть и видеть. Видеть, что вложено в него от Бога, понимать его стремления, заблуждения, его боль, тревогу, его нужду. Нужно суметь увидеть его душу и полюбить – ни за что, без всяких условий.

Подросток глазами священника

*Иерей Петр Коломейцев,
декан психологического факультета
Российского православного университета*

Глава 1

Человек становится человеком... в семье

Выходящий в мир

Подростковый период – трудное время, когда рождается новый, взрослый человек. У нас, людей, иной, отличный от животных, тип приобретения, наследования своей человечности и своей человеческой психики. Мы получаем их, обучаясь. Бог сделал для человека исключение, открыв ему этот удивительный путь – путь, который дает нам возможность развиваться. Если поведение животных, их способность ориентироваться в окружающей ситуации заложены в генах как некая программа действий, превышающая их разумение, но необходимая для выживания, то человеку нужен пример наставника, учителя и возможность наблюдать за тем, что происходит в мире людей.

Мы еще помним времена, когда в школе макали перо в чернильницу, писали перьевыми ручками, а современные дети зачастую сразу учатся набирать текст на компьютере и только потом берут в руки ручку. Человеку, чтобы научиться писать, не нужны гусиные перья – люди не привязываются к привычным материальным формам. Мы умеем приспосабливаться к новым обстоятельствам и иной среде обитания. Человек создает себе эту среду сам: на Земле, на Луне, на Марсе, под водой, под землей – где угодно. Причем именно такую среду, какая ему нужна.

Благодаря этой способности возможен прогресс и внутреннее развитие. Животное неотделимо от места его обитания, в его природу заложена способность адаптироваться только к определенным условиям. Если среда меняется, животное вымирает: если в привычном месте не оказалось глины, то ласточке не из чего строить гнездо. А с людьми не так... Человек напоминает относительно белый лист, который можно заполнить самой разной информацией.

Очень-очень многое из того, что человек наследует, и прежде всего свои чисто человеческие качества, он приобретает на более высоком уровне, чем уровень инстинкта. Например, «основной инстинкт» у человека отсутствует, во всяком случае, в том виде, в каком он есть у животных. Есть влечение, выбросы адреналина, гормоны и тому подобное, но сама репродуктивная активность как модель поведения, которой он послушно, как робот, обязан следовать, – такое устройство психики человеку несвойственно. У нас нет родительского инстинкта как природной потребности – непременно продолжить свой род и распространить свое семя, свое потомство в веках и народах. Люди часто обижаются, когда слышат эти слова, но на самом деле отсутствие такого инстинкта – хорошая новость! Этот факт вовсе не означает, что родители не любят своих детей. Наоборот, они их любят! Было бы ужасно, если бы наша любовь к детям оказалась лишь инстинктом, производной действия гормонов.

У человека, в противоположность родительскому инстинкту, есть родительское чувство, но оно воспитывается, ему обучаются. Самый яркий пример: детям, которые выросли в детдомах, часто трудно даются близкие, доверительные отношения со своими детьми и супругами, ведь такого опыта в их жизни не было. И вообще, о каком инстинкте можно говорить, если в нашем человеческом обществе существует практика аборт, детские дома и многое другое?!

Чтобы унаследовать, перенять до конца свою человечность, человеку нужен дополнительный период развития – от рождения до переходного возраста, пубертата. Семья становится той обучающей средой, механизмом, обеспечивающим передачу наследования человечности, который защищает, питает и «донашивает» человека после рождения.

Со стороны родителей условия для передачи наследования человечности обеспечивает такой «механизм», как любовь. А дети усваивают эту человечность благодаря чувству привя-

занности. Это очень сильное чувство. В трудных ситуациях ребенок всегда кричит: «Мама!» – даже в детских домах. Больше того, там дети живут в ожидании и надежде, что мама и папа скоро найдутся, они где-то рядом и в конце концов придут. Детям присуща привязанность и потребность в родительской любви.

Но вот наступает пубертат, и родители, привыкшие находиться в тесной связи с ребенком, впадают в состояние шока. Им кажется, что их чадо подменили! Вдруг ни с того ни с сего подросток начинает отталкивать семью. На самом деле в этом нет ничего странного. Закончился тот период, когда ребенок получал уроки человечности от своей семьи. Теперь ему, и только ему предстоит превратить характер в личность. И в основе этой развивающейся личности лежит свободный выбор, за который человек отныне отвечает сам.

Самостоятельный выход из семейной «утробы» в мир собственных выборов и решений – необходимый, закономерный процесс, потому что иначе человек не сможет реализоваться и создать новую семью. *Оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть* (Быт. 2: 24). Это закон Божий, закон библейский, который вошел в самую нашу жизнь, в самую нашу природу.

Время равноправных уважительных отношений

Подростковый период – время, когда рушатся прежние отношения ребенка с родителями. Слепая привязанность и слепая любовь исчезают, ребенок больше не желает просто повиноваться отцу и матери. Более того, у него возникает еще и критическое отношение к ним.

Диалог с подростком:

– *А почему я должен вас слушаться?*

– *Потому что тебе мать и отец так говорят.*

– *Нет, вы объясните мне, почему я должен слушаться?*

– *Ну, мы старше, мудрее, в жизни многое повидали. У нас есть опыт, которого нет у тебя.*

– *А почему вы думаете, что ваш опыт и мне нужен?*

Ребенок переоценивает авторитеты, которые до сих пор не подвергал никакому сомнению. Отношения в семье начинают перестраиваться, и процесс этот часто проходит непросто и болезненно, особенно если до этого момента родители относились к ребенку как к части самих себя, а не как к самостоятельной личности. Теперь родителям придется общаться со своим ребенком на равных.

Кем являются для ребенка «предки»? «Молотком», который висит над головой и время от времени стучит по ней, или это люди, с которыми можно советоваться и что-то обсуждать? Принято ли в наших отношениях предлагать ребенку: «Смотри, как интересно! Давай поразмышляем об этом»?

Есть дети, которые с большой благодарностью говорят о том, что родители передали им нечто ценное. Например, свой вкус.

Мой сын с удовольствием вспоминает, что я познакомил его с такими рок-группами, как «Кинг Кримсон», «Джентл Джайэнт», «Генезис», «Пинк Флойд». Он пошел дальше и позже стал знакомить меня уже с джазом. Но начался наш обмен с моего шага. И когда я подарил ему два билета на концерт «Кинг Кримсон», он сказал: «Папа, я только одного человека могу взять с собой на этот концерт – тебя».

Сам я благодарен своему отцу за то, что он открыл для меня импрессионистов. Мне было 11 лет, и я был готов кричать, когда после многих часов хождения по залам Эрмитажа он потащил меня на третий этаж. Сгоряча я сказал, что эту мазню смотреть ни за что не буду, но он все же настоял и попытался объяснить мне, что же это за искусство. В

результате именно эти полотна мне запомнились ярче всего. Большие того, эти впечатления привели меня к открытию мира живописи. Правда, приятно, когда такое случается?

Замечательно, если ребенок становится для родителей экспертом в какой-то области, если родные ему говорят: «Ну, ты в этом разбираешься лучше нас». Для подростка этот «статус» означает, что к нему прислушиваются, что его личность вызывает уважение.

Помню, как-то сын поставил мне послушать одну музыкальную композицию. Я послушал и говорю: «Я слышу два ритма. Момент, когда они совпадают, звучит потрясающе!» К моему удивлению, сын в ответ кинцлся мне на шею: «Папа, наконец-то ты услышал!» Как он был рад, что музыкальные тренировки, которые он проводил со мной, дали, наконец, плоды.

Итак, старые отношения рушатся, а новые строятся на более равноправной основе. Мы интересуемся вкусами своих детей, а они – нашими. Происходит взаимный обмен, взаимное обогащение. И это замечательно.

Рождение родительского авторитета

Уважение к родителям, почтение, благодарность – все эти качества мы, конечно, хотели бы привить своим детям. Что может этому помешать?

Часто выходит, что весь опыт взрослых служит не для того, чтобы помочь подростку разобраться в ситуации, а чтобы поставить ему на вид, осудить, показать ему, как он неправ. Даже если подросток внимательно выслушает наши замечания и примет их к сведению, чем они ему помогут? Ценно, когда жизненный опыт родителей обслуживает другие цели – показывает, как можно исправить ситуацию, как себя вести, чтобы в дальнейшем ее не допустить. Хорошо, когда опыт старших приносит добрый плод, когда им можно как-то воспользоваться! Например, мы можем рассказать ребенку о каких-то своих ошибках и поделиться сделанными выводами. Тогда подростку будет ясно, что он не первый проходит путь взросления, он не первым из людей пытается научиться контролировать собственное поведение и поступки. И до него были люди, которые сталкивались с похожими проблемами и находили средства для их решения. Нам, взрослым, надо делиться с детьми пережитым опытом. Если мы этого не делаем, в сознании подростка складывается такая картина: был мир, планета, на ней жили люди и все всегда поступали правильно. И родители тоже всегда поступали правильно: «Я в твои годы...» И вот в этом замечательном мире, где никто никогда не ошибался, никогда не совершал ужасных поступков, появился он, наш подросток, и все испортил. Он – черное пятно! Он позорит свой род! Весь род людской!

Мы, родители, плохо помним себя в подростковом возрасте. Или не хотим помнить. Но иногда, слушая рассказ ребенка о каком-то происшествии, мы можем вдруг задуматься и сказать: «Слушай, а со мной тоже такое было. И я тогда тоже поступил не лучшим образом!» Если взрослые начинают вспоминать себя, свои ошибки молодости, им становится ясно, что подростка не стоит ругать – ему надо помочь. Когда ребенок видит, что ошибки на самом деле бывают у всех, даже у родителей, у него возникает совсем другая картина мира. «У меня в детстве был такой же случай. Меня вообще из школы выгоняли, но я в конце концов как-то справился...» – говорит папа своему сыну. Этот простой диалог сразу по-другому расставляет акценты. Остаются те же самые ужасные события, но отношение к ним меняется кардинально, и самое главное – появляется надежда, что все уладится. Кроме того, наш подросток понимает, что у родителей есть ценнейший опыт, как выбираться из самой-самой страшной ямы, и их авторитет только растет.

К сожалению, родители убеждены, что главное в воспитании детей – защитить свой авторитет. Его подрыв, по их мнению, – конец любому воспитанию. А потому они изо всех сил стараются держать свой «фасад», чтобы ребенок постоянно чувствовал себя, как муха в стерильном пространстве. И ребенок, в соответствии с их требованиями, должен быть таким же

кристально чистым. А если он совершает ошибку – все, дальше пути нет. Чему учит подростка такая «стратегия»? Только тому, что он – ужасный человек. В итоге складывается странная картина: родители – пример для ребенка, но научить его, как выходить из трудной ситуации, они не могут.

Ребенок часто чувствует себя виноватым. Даже за то, в чем он не виноват. Кажется, в чем тут логика? Но ребенку логика не нужна: он просто так себя чувствует. Родители поссорились – и кто виноват? Он решает: «Это все из-за меня». Потому что родители не могут ошибаться, они всегда правы, невозможно даже представить себе, чтобы кто-то из них попросил у другого прощения. Часто считается, что просить прощения – это неприлично и непедагогично. Таким образом, в ссорах между родителями, во всяком скандале, во всем, что происходит плохого в доме, неумолимо оказывается виноват ребенок.

И все же как священник могу сказать, что в последнее время некоторые родители стали просить прощения у своих детей. И сам факт такого родительского обращения производит на детей очень сильное впечатление.

Митрополит Антоний Сурожский говорил: «Хорошо, когда между детьми и родителями такие отношения, когда дети сознают, что они перед лицом Божиим на одном уровне с родителями и что нет двух лагерей: родители плюс Бог – и они, несчастные.

Владимир Николаевич Лосский¹ жил напротив нас в Париже. И мне вспоминается: я как-то пришел в воскресное утро, чтобы идти в церковь, и стоят четверо детей, стоит Владимир Иванович, стоит его жена, подходят к каждому из них, кланяются в ноги и просят прощения, объяснив им сначала, что они хотят оба причащаться, если дети их не могут простить, они не могут получить разрешительную молитву от священника. И у детей было такое чувство, что они на равных началах не в порядке семьи, где они должны слушаться родителей, а в порядке высшем, что Бог общий, что они все, взрослые и дети, равны перед Богом, что родители тоже могут быть виноваты и что они зависят от прощения детей столько, сколько дети зависят от прощения родителей».

В то же время часто бывает, что люди говорят близким: «Ты меня прости за все, за все». И тогда сильный сердечный порыв сводится к разговору ни о чем, к простой формальности, поэтому нужно обязательно назвать свою оплошность, чтобы и родитель, и ребенок понимали, о чем именно идет речь. Только в том случае, если мы по-настоящему просим прощения, между нами могут сохраниться хорошие отношения.

С духовной точки зрения стремление родителей во что бы то ни стало создать безупречный образ себя можно понять как гордыню, а кроме того – как проявление страха и неверия в то, что все преодолимо с Божьей помощью, если есть в нас покаяние. Один мальчик плохо себя вел почти сорок лет, а его мама все молилась и молилась за него – и вымолила, он стал святым, звали его Августин Блаженный. Его мать тоже причислили к лику святых – за веру и неустанные молитвы. Другой хорошо известный нам пример – Мария Египетская. Казалось бы, ее положение было ужасающе печальным, а теперь она имеет в Церкви колоссальный духовный авторитет!

Настоящий родительский авторитет не надо создавать, а потом поддерживать. Он рождается сам, без специальных усилий, когда ребенок видит, что в отношении родителей друг к другу присутствует уважение, что они берут на себя ответственность за свои поступки и не боятся признавать свои ошибки.

Признание своей ошибки, своей неправоты – это не слабость родителей, а сила. Сила всегда внушает уважение, но она состоит не в том, чтобы отпираться. Она заключена в признании ошибки и желании ее исправить. Эта отвага взрослого – огромная поддержка для подростка. Раз взрослые могут делать ошибки, то он, подросток, тем более. Он понимает, что в

¹ Владимир Лосский – богослов «парижской школы» богословия, деятель русского зарубежья.

ошибках не страшно признаваться, их можно исправлять, они прощаются и, главное, они не отнимают уважения к его личности.

На стороне подростка: как сохранить контакт

С подростками часто случаются всякие неприятности – большие и маленькие. Очень важно при любых обстоятельствах оставаться на стороне своего ребенка и только из этой позиции искать причину возникающих проблем. Если подросток не будет верить в наше сочувствие и понимание, он рискует оказаться в очень опасной ситуации.

Подросток перестал ходить в школу. Каждое утро он вовремя выходил из дома и так же вовремя возвращался, а весь учебный день проводил где придется. Он сам ставил себе в дневнике оценки, записывал задания. Когда родители узнали о прогулах и начали выяснять причину, оказалось, что всему виной парень-старшеклассник, который невзлюбил нашего героя и избрал его своей жертвой. Вместе со своими приятелями он подкарауливал мальчика и регулярно его избивал.

Вместо того чтобы привлечь родителей на свою сторону, ребенок создал целую систему лжи, потому что был абсолютно уверен: эта ситуация не решится в его пользу. Когда родители потребовали у сына объяснений, он не смог им ничего рассказать. Это было просто невозможно, ведь у родителей был такой категоричный тон. Они были убеждены: раз ребенок обманывает, значит, он задумал что-то плохое. Ребенок чувствовал их недоверие и не мог ничего объяснить.

Этот настрой родителей на заведомую испорченность их детей мешает не только подросткам общаться с ними свободно и искренне, но и самим родителям не дает понять, что проблема находится не там, где они ее ищут.

Возможно, герою из нашего примера было трудно сформулировать свою проблему даже для самого себя. Возможно, ему было чрезвычайно стыдно признаться в том, что он недостаточно смелый и недостаточно сильный и не может вынести позорного поражения в столкновении со старшеклассником. Согласитесь, есть вещи, в которых нам тоже бывает стыдно признаться.

Можно предположить, что причиной неверия детей в помощь и поддержку со стороны родителей является наследие нашего бездуховного прошлого, когда мнение начальства, общества, «мнение партии и правительства» были важнее, чем точка зрения собственного ребенка, и даже важнее собственных убеждений. Эта позиция, ставшая для нас привычной, сложилась в детстве, проведенном в условиях тоталитарного государства. «Директор всегда прав, да он и сильнее...» «С начальством не поспоришь...» Ребенок чувствует эту родительскую позицию, этот шаблон восприятия, и понимает, что он проиграл. Как не по-человечески, а «по-партийному» выглядит ситуация, когда ребенок приходит и рассказывает маме с папой о том, что ему плохо, а родители занимают... сторону «дирекции»!

Однажды ко мне как к священнику пришла одна мама и рассказала: «У моего ребенка конфликт с учительницей, и я не знаю, кому верить. У ребенка своя версия, у учителя своя. Что мне делать? Здравый смысл подсказывает, что нужно поддержать авторитет учителя. С другой стороны, сердце говорит, что я должна занять сторону моего ребенка и постараться разобраться в том, что случилось. Я вижу, что он не придумывает, говорит искренне. Как мне поступить?»

Я ответил ей: «Поступайте по-христиански – исходите из интересов слабой стороны».

Этот общий дух «корпоративности» взрослых против детей, эта круговая порука очень сильны. «Заговор сильных» вынуждает нас солидаризироваться с преподавателем, с директором, нам трудно противостоять этой системе. Как же помочь себе встать на сторону ребенка?

Подросток в этом возрасте вряд ли имеет далеко идущие планы затеять интригу, используя оговор или навет. И нет большой беды в том, что учительница, допустим, окажется уличенной в собственном непрофессионализме. Она взрослый человек, который сумеет сделать из случившегося необходимые выводы. Ущерб для взрослого в таком случае невелик, а ущерб для ребенка – максимальный. Подросток в данном случае – слабая сторона. Если мы не поддержим его сейчас, такой эпизод может привести к краху его веры в справедливость и разумность этого мира. Мы рискуем дать ребенку неверное указание на то, что начальник всегда прав.

Ребенок, играя, нечаянно разбил окно в классе. На шум пришла учительница. Она набросилась на мальчика с обвинениями. За несколько минут ребенок услышал от нее, что он хулиган, будущий преступник, разгильдяй и прочее... В отчаянии мальчик крикнул: «Вы – дура!» – и бросился бежать. Учительница вызвала в школу родителей.

Пришел папа. Он возместил ущерб, нанесенный школьному имуществу, а на обвинительный монолог учительницы сказал примерно следующее: «Вообще-то мой сын очень хороший парень. Да, разбил по нечаянности окно. Так я готов решить эту проблему. А то, что он вам нагрубил... Знаете, я взрослый человек и стараюсь быть вежливым, но даже я бы не выдержал, если бы услышал столько оскорблений, сколько вы ему высказали».

Мы не можем поставить перед собой задачу перевоспитать общество или учительницу. Но если ребенок почувствует, что родители поддерживают его, а не систему, перед которой он бесправен, он легче перенесет ее гнет, и школа станет для подростка еще и пространством радости. Можно даже не поднимать скандал, а предложить подростку: «Может, мы простим учителя? Взрослые иногда делают ошибки, и мы должны им эти ошибки прощать». Таким образом разрушается монополия взрослых на правду.

Воровство

Случается, что родители подростков узнают о том, что их дети были замечены в воровстве.

В разговоре с ребенком, пойманным за этим недостойным занятием, не стоит возмущаться и объяснять, как ужасен его поступок. Прописные истины ему хорошо известны. Лучше предложить взамен: «Что тебе это дает? Раз у тебя есть такое желание, давай попробуем разобрать, откуда оно берется?»

Наша главная цель – сохранить контакт с ребенком. Только тогда он к нам прислушается. Кроме того, нужно выяснить, чем эта стратегия его обеспечивает, какую из его потребностей обслуживает. Как правило, человек выбирает лучшее из доступного. Раз ребенок ворует, значит, все остальные возможности удовлетворить свою потребность для него недоступны или он не умеет ими пользоваться. Попробуем разобраться.

Во-первых, кража дает переживание риска, предвкушение удачи, ожидание счастья, которые сами по себе приятны. Во-вторых, у ребенка появляется радость обладания: я приобрел нечто, вещь, которую хотел получить. Эта ситуация совсем не похожа на привычную: я попросил – и мне дали. Тут я выступаю не в пассивной роли маленького ребенка – нет, я сам добыл, «потрудились», совершив отчаянный поступок. Здесь есть азарт добытчика и момент удачи. В-третьих, кража придает чувство уверенности в себе и самоуважения: я – смелый, сильный, я сделал и не струсил. В-четвертых, решительный поступок позволяет войти на равных в компанию приятелей, тех, кого подросток уважает и кем восхищается.

Разобравшись с плюсами, можно переходить к минусам. И первым в списке будет проблема – как пользоваться украденным? Скажем, случилась у ребенка такая «удача» – он вынес из магазина конструктор «Лего». Ну и где с ним играть? Принести домой нельзя – родные спросят: «Откуда?»

В другом случае подросток украл ноутбук и собирался его продать. Но покупатель дал за него не то сто, не то тысячу рублей и сказал: «А ну, пошел отсюда!» Доход тоже оказался очень сомнительным. Кража денег кажется более выгодным делом, но обладание ими тоже радует недолго. Сначала кажется, что ты богат. Но вот угостил всех друзей чипсами – и снова денег нет, и возделенная популярность оказалась временной.

Хочется подчеркнуть, что во всех описанных выше случаях речь идет о благополучных семьях и любящих родителях. И все же есть одно общее для этих семей обстоятельство: в них были младшие дети, и перенос внимания мамы и папы на маленького брата или сестру вызвал у старшего ребенка ощущение одиночества. Естественно, мнимого, потому что он не перестал интересовать родителей, они не стали меньше о нем заботиться. И все же определенная «выключенность» старшего ребенка из жизни родителей, которая проявляется в бесконечных мелочах и пустяках, приводит его к грустной мысли, что он стал лишним, ненужным. Бывает, однако, и наоборот: общение с ребенком движется «по инерции», родители говорят с ним не как с взрослеющим человеком, а по-детски сладко, игнорируя те вещи, которые его задевают и интересуют больше всего. В этой ситуации у человека тоже возникает ощущение, что его, реального, родители не хотят ни любить, ни понимать, с ним происходит что-то очень важное, а никто этого не замечает.

Клептоманию (воровство, которое не поддается самоконтролю) можно отнести к той же категории своеобразных «допингов», что и токсикоманию, курение, алкоголь. Клептомания влечет за собой более очевидные последствия, и в этом, как ни удивительно, ее плюс – сигнал тревоги виден сразу. Получив этот сигнал, мы можем отреагировать и исправить ситуацию. Все те печальные эксцессы и их последствия, которые обычно больше всего угнетают родителей, на самом деле – наши союзники. Главное – чтобы ребенок понял, что мы, взрослые, на его стороне, мы не против него, а за него.

Один уже взрослый человек рассказывал, как он, будучи подростком, с подачи старших друзей залез в форточку общежития и стащил с подоконника сумочку одной студентки. В этой сумочке лежал паспорт, деньги, зачетка, студенческий билет и дорогие ее сердцу безделушки. Он хорошо помнил, как чувство, которое возникло у него в тот момент – чувство восторга, удали, – резко сменилось на горький стыд и сожаление о содеянном.

Зачем подростки врут

Подростки часто врут. Замечая это, взрослые обычно не скупаются на нравственные оценки. По их мнению, раз подросток начал врать, это значит, что он очень плохой, безнравственный человек. Так ли это?

Вранье подростков бывает разным. Оно может быть настолько незавуалированным, настолько неправдоподобным и нереалистичным, что ему никто не верит, не верит и сам подросток. Спрашивается: зачем тогда врет? Думается, что это особый тип бескорыстного вранья. В нем нет никакой утилитарности, выгоды, корысти. Это проявление светлого, творческого начала в подростке. Он не столько врет, сколько планирует, сочиняет, как бы предлагает свои версии развития того или иного события. Рассказывая какой-то случай, он его литературно украшает. И, конечно, было бы грубо и нехорошо сказать ему на это: «Все ты врешь». Или: «Ну ты и болтун!»

Я помню, как в моем детстве старые люди приговаривали: «Ой, сочиня-а-а-ешь!» И говорили они это без возмущения, без праведного негодования, а с каким-то интересом. Ребенок, когда его уличали, смеялся, как будто он проиграл в забавной игре. Подростку не нужно, чтобы ему поверили, ему нужно, чтобы слушатели оценили красоту его рассказа. Можно попробовать поиграть с ним в эту его игру и придумать свою историю, еще круче. Показать, что ты понял

прием, что ты в теме и готов играть дальше. Тогда подросток будет знать, что его фантазии находят понимание и сочувствие.

Детям в этом возрасте бывает трудно напрямую предъявить взрослым результат своих творческих усилий, они боятся критики и не готовы к ней. Трудно сказать: «Я написал картину», или «Я написал стихи», или «Я написал песню». И вместо этого получается контрабандное творчество, как, например, граффити. Но мы все равно можем оценить его усилия и сказать: «Да, здесь очень хорошо получилось, а здесь – композиция слабовата. Чтобы стена смотрелась красиво, давай попробуем доработать рисунок, который ты сделал».

Безусловно, подростки врут и с утилитарными целями. С какими?

Подросток признается: «Я вру, чтобы побереечь нервы родителей. Не могу же я им сказать, что мы с другом залезли на крышу, чтобы сделать там классные селфи. Это было здорово, но если я заговорю об этом, у них случится инфаркт или инсульт или у мамы поднимется давление...»

В таких случаях, конечно, присутствует забота подростков еще и о своем личном спокойствии, но это вторично.

Бывает, что подростку хочется казаться лучше, чем он есть на самом деле. Он привирает, чтобы несколько себя приукрасить, и его вранье как раз выглядит правдоподобно. Он не уверен, что его будут любить и уважать таким, какой он есть на самом деле.

Подросток может быть убежден, что ему не разрешат довести до конца задуманное. «Нет» со стороны родителей появляется еще до того, как ребенок излагает им план, оно как бы уже существует заранее. Чтобы план не «накрылся», приходится врать.

Одна девушка-подросток говорила: «Ма-а-ам, а можно я не пойду на каток? Можно я пойду в библиотеку?» – «Нет, ни в какую библиотеку ты не пойдешь, ты пойдешь на каток», – строго отвечала мама. А девушке это и было надо! Мама реагировала именно так, как предполагала ее дочь: «Ах, значит, ты не хочешь идти на выставку? Вот туда-то ты и пойдешь! Ах, тебе очень хочется туда пойти? Ну, нет!»

Уверенность в том, что родители однозначно воспримут отрицательно все, что им ни скажешь, приводит к тому, что любую идею приходится скрывать. Как только озвучишь – все, перекроют кислород.

К тому же вранье помогает избежать наказания. Вот случилось что-то такое, что для подростка на самом деле мучительно, и он вполне переживает по этому поводу. Казалось бы, все, жизнь его уже наказала. Но если родители узнают об этом ужасном событии, то будут наказывать дальше, «выносить мозг», и этого очень не хочется.

Подросток врет, если уверен, что ему никогда не посочувствуют, не встанут на его сторону, а только скажут: «Ага, допрыгался! А что я тебе говорила?» Такая реакция взрослых, как вы понимаете, совсем не располагает к откровенности.

Бывает, что подросток очень стыдится своего поступка и переживает, что не оправдал доверия мамы и папы. Он боится, что родители в нем разочаруются, ведь он оказался слишком «плохим» для них. Такое случается, если родители изображают перед ребенком небожителей, абсолютно идеальных людей. Но идеальных людей не бывает, и, если родители открыто признают свои ошибки, свое несовершенство, подросток понимает, что с ними можно запросто говорить о чем угодно. И гордится этим.

Бывает, что дети просто вынуждены врать, чтобы скрыть огрехи родителей, потому что не видят для себя другого выхода. А для взрослых эта стратегия оказывается чрезвычайно удобной, и тогда эта ложь тянет за собой цепочку, которую подросток не в силах разорвать.

Мама одной девочки вела очень активную, интересную жизнь и брала дочь с собой в поездки, в гости, на выставки. Но их общение было поверхностным. Мама говорила в присутствии своих подруг: «Ну что, моя золотая, что, моя отличница, скажи нам, сколько ты

сегодня пятерок получила?» Дочь подыгрывала ей и отвечала: «Две», хотя на самом деле это была неправда, а мама продолжала: «Ну иди, поиграй во дворе, моя умница».

Мама не смотрела дневник, дочь расписывалась в нем за маму сама. А девочка не делала домашних заданий, у нее не было для этого никакой возможности и никаких условий. У нее даже своего стола не было, где она могла бы расположиться. А поскольку она была умненькой девочкой и все схватывала на лету, то успевала в классе не хуже других. Эта ситуация ее очень тревожила, а маму явно тяготили слабые попытки ребенка поговорить, и она либо не слушала, либо обрывала дочь.

В школе девочка каждый день начинала новую тетрадь и говорила, что домашнее задание осталось дома в старой. Учительница, как и мама, смотрела на это сквозь пальцы. Так продолжалось до тех пор, пока в класс не пришла новая учительница, которая поняла, в чем дело, и потребовала, чтобы мать пришла в школу.

Кончилось все скандалом: мать никак не хотела признать своей вины и обвиняла свою дочь во лжи. Девочка попала с нервным срывом в больницу.

Если взрослый любит подростка и готов действовать не против него, а за него или вместе с ним, то ребенку незачем будет врать. Можно сказать, что вранье – это симптом, который показывает взрослым, что им нужно прежде всего посмотреть на себя. Спросить не «Почему ребенок врет?», а «Что со мной не так? Почему он мне не доверяет?». Подростку так нужна уверенность в том, что родительская любовь превзойдет все возможные огорчения и что ему подскажут, как достойно выйти из любой неприятной ситуации!

Верующему подростку может быть интересно, почему с духовной точки зрения нельзя лгать, почему ложь – это грех.

Предложите ему поставить себя на место Бога – как бы он воспринял эту ложь? Для Бога, который знает все, этот поступок выглядит как упрямство и нежелание воспользоваться Его любовью и добротой. Вспомним, например, историю Адама и Евы: Бог ожидал, что они послушаются Его слов и не будут вкушать запретный плод, доверившись тому, что Он им сказал. Но они поступили по-своему и спрятались от Него, укрывшись между деревьями. И Бог, который, конечно, все это видит и понимает, что происходит, спешит туда, к своим неразумным детям, ожидая, что сердца их растают, что они бросятся в Его любящие объятия и Он поможет им справиться с этой бедой. Но не тут-то было: Адам не хочет признаваться, что был неправ, и сваливает всю вину на Еву – ведь именно она дала ему этот плод. Ева тоже не хочет брать на себя ответственность – виноват во всем змей! Они не просят прощения и не хотят возвратиться к прежним открытым и любящим отношениям с Богом. Они ждут, чтобы Бог признал новую, обманную реальность в Раю – что они, согрешившие, будут и впредь считаться «белыми и пушистыми». По сути, они искушали Бога назвать зло добром, черное белым. А это – неправда, обман, и Бог не мог на это согласиться.

Христос сказал про Себя: *Я есть путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня* (Ин. 14: 6). Путь на Небеса проходит через Него, путем восстановления всякой правды, а обман прикрывает либо достижение какой-то неблагоприятной цели, либо достижение хорошей, но неблагоприятными средствами.

Если обман идет против родителей, преподавателей или других ребят, подросток может поставить себя на их место. Будет полбеда, если они не поверят вранью, а если поверят? Ведь обманутое доверие очень трудно восстановить, и ложь может разорвать отношения – с родителями, с Богом. Обманывая, мы заменяем отношения любви одиночеством, мы «прячемся за деревьями», как это делал Адам, и эту обособленность богословы, отцы Церкви, называют греховностью.

Ложь разрушает отношения, отгораживает человека от людей и от Бога, уводит на путь греха.

Проблемы с учебой

Бывает, что необходимость сделать какую-то работу вгоняет подростка в ступор. Родители не могут понять, в чем дело. Они так переживают и расстраиваются, что начинают кричать и ругаться на ребенка, взывая к его совести. Но эти сцены обычно только усугубляют проблему.

Подростку в такой ситуации требуется конкретная помощь: нужно научить его структурировать задачу. В этом деле родительская поддержка будет очень полезна, ведь взрослый видит характер работы, ее объем, понимает, как поделить ее на определенные «захватки». Получив такой «бизнес-план», ребенок не будет падать духом от одного только вида предстоящей задачи, она перестанет казаться ему бесконечной. Кроме того, и это очень важно, подросток будет понимать, что происходящее с ним – вполне «законно», проблемы и трудности возникают у всех, а он вовсе не какой-то особенно «бестолковый» и «бессовестный лентяй», «сущее наказание для родителей»!

Пришел ко мне ребенок, у которого начались проблемы в школе. Я предложил ему порассуждать, в чем причина его бед. Может быть, все дело в лени? Мальчик согласился. Я пояснил: «Лень тоже бывает разная. Бывает, просто ничего не хочется делать, принципиально. А бывает лень затаившаяся, когда работа идет не очень гладко и ты чувствуешь, что она дается с каким-то скрипом. И вот из-за этого скрипа наваливается лень, хотя за какое-то другое дело берешься сразу. Не хочется и не можется этот скрип преодолевать, потому что радости нет». Он ответил: «Наверное, у меня вторая лень».

Говорю ему: «С первой ленью вообще очень легко бороться. Ленишься – это хорошо... Я и сам люблю лениться. Только это надо делать всерьез, по всем правилам. Ставишь табуретку посреди комнаты, садишься на нее и начинаешь лениться. Ни в коем случае не бери ни телефон, ни планшет, не включай телевизор. Надо просто сидеть и лениться. Обычно, как подсказывает опыт, минут пятнадцать-двадцать хватает: мысль настраивается на рабочий лад, и начинаешь работать. Что касается второго типа лени, она обычно возникает, когда перед тобой оказывается задача типа “съесть слона”. Ведь даже если ты очень голоден, слон – это многовато, сразу аппетит пропадает. Но можно ведь его есть по кусочкам. Попробуй свою работу “нарезать на кусочки” и посмотри, что можно сделать сейчас, а что следом. Вовсе не обязательно забегать далеко вперед и думать о том, что будет дальше. Просто делай то, что можешь сейчас. Так, по кусочкам, и не заметишь, как осилишь “слона” целиком».

Свобода выбора – путь взросления

Подростки – максималисты. Родителям иногда кажется, что их ребенка волнуют только материальные блага – одежда, игрушки, пафосные гаджеты. Однако глубокое общение с подростками говорит о том, что это очень поверхностное суждение. На самом деле подростки скорее идеалисты, чем материалисты-потребители. У детей в этом возрасте есть острое желание занять активную позицию в этом мире, все явления которого они разделяют на относящиеся к силам добра или силам зла. Подросток выделяет справедливость и несправедливость, честность и лживость, дружбу и предательство и стремится определить свою позицию по отношению к тому или иному событию.

Два подростка, два школьных товарища занимались тем, что боролись с таким злом, как алкоголизм. И у одного, и у другого были соседи, страдающие этим недугом, из-за чего в подьезде возникало много шума, скандалов, неприятных столкновений. И вот два подростка вышли на «тропу войны». Они пробрались в злачное место – пивной ларек в одном из скверов в центре города. Мальчики решили как-то обозначить пьяниц и принялись незаметно рисовать на их одежде отличительный знак. А потом дома у одного из этих мальчиков произошел

скандал. В гости к его родителям пришел знакомый. За разговором он пожаловался, что кто-то испортил ему пальто, пока он пил пиво на улице. Потом гость внимательно посмотрел на мальчика и воскликнул: «Так вот же тот парень, что крутился у пивного ларька!» Подростку здорово попало, а маме пришлось оттирать пальто гостя от краски.

Самое печальное в этой ситуации то, что родители ругали парня как хулигана и подлого, злонамеренного пакостника, а его романтические устремления к добру, его идеализм не заметили и не поддержали. Как было бы полезно похвалить ребенка за благородный порыв и объяснить, что у него тем не менее случился некоторый перегиб!

Разобраться, что на самом деле хорошо, а что плохо, – задача непростая. У подростка может выстроиться своя схема «справедливости и смелости». Например, приятель, пришедший в школу в нетрезвом виде, может вызвать восхищение своим кажущимся бесстрашием и взрослостью. Многие случаи, когда подросток оказывался втянутым в криминальные истории, связаны вовсе не с испорченностью детей, а с их способностью быстро найти оправдание таким рискованным и опасным действиям.

Внешний мир может эксплуатировать самые лучшие качества подростка – его открытость, доверчивость, склонность к добру, его стремление к справедливости. Вот почему Господь говорит, что *горе тому, кто соблазнит одного из малых сих* (Мф. 18: 3). Если зрелый человек идет на правонарушение, он понимает, что делает и какая мера ответственности его ждет. А подросток может не отдавать себе отчета в своих поступках.

Возьмем, к примеру, интернет. Он сам по себе не зло, и интерес ребенка к высоким технологиям, безусловно, благо, потому что эти знания расширяют его возможности. К тому же статус человека, разбирающегося в компьютерных технологиях, резко повышает рейтинг подростка в компании сверстников. И все же в увлечении ребенка виртуальным миром очевидна опасность развития зависимости от общения в соцсетях, игр и порнографии. Она появляется с одобрения родителей, ведь они не видят в работе с компьютером ничего плохого: ребенок не бродит по улицам, остается дома, и, наконец, «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало». В нашем обществе интернет-зависимость пока не воспринимается с той же настороженностью, как пристрастие к табаку и алкоголю. И мало кто из людей старшего поколения воспринимает ее как зло – они склонны видеть в ней «техническое творчество молодежи». Потрясают кадры из документальных фильмов, посвященных компьютерной зависимости, на которых подросток, лишенный доступа к сети, выглядит как наркоман во время ломки.

Один папа в предверии выпускных и вступительных экзаменов забрал у дочери компьютер и поставил его в своем кабинете, чтобы контролировать время, которое она проводит в виртуальном пространстве. Обезумевшая от горя старшеклассница распахнула балконную дверь и забралась на перила: «Я брошусь вниз, – кричала она, – если ты не вернешь мне компьютер!»

Но есть и другие примеры освоения детьми информационных технологий: один папа принес своим детям диск с игрой-квестом «Розовая пантера», но они, поиграв пять минут, попросили им такие игрушки не покупать, скучно ведь использовать компьютер для такой ерунды. Дочь предпочитала заниматься с его помощью рисованием и редактированием текстов, а сын – музыкой и программированием.

Из сказанного можно сделать вывод, что взрослым не стоит оставлять без внимания увлечение подростков компьютерной техникой и новыми технологиями, и совсем хорошо, если у ребенка будет компьютерный «гуру», который продемонстрирует ему все возможности этого инструмента для учебы и творчества. Высокотехнологичное зло не перестает быть злом, пусть внешне и выглядит чем-то полезным.

Нам надо быть очень чуткими, когда мы хотим показать ребенку, что жизнь – штука сложная, она не делится на черное и белое. Один и тот же поступок в одном случае может

оцениваться как плохой, а в другом – как хороший. У подростка должно выработаться умение самостоятельно определять, что хорошо, а что – плохо.

Для формирования у ребенка этического самосознания нужны время, опыт, а главное – свобода. Богословы говорят, что душевный склад человека развивается, когда подросток без всякого давления авторитетов тренируется делать выбор между тем, что ему представляется нравственным и безнравственным, затем свободно воплощает это на практике и оценивает, что получилось в результате. На этом пути возможны ошибки. Это нормально. Ошибка – это не преступление. Вот почему фраза «ты ошибся, поступив таким образом» будет правильнее, чем обидная печать «ты плохой, раз так поступаешь». Если мы видим, что подросток действует в неверном направлении, не нужно торопиться с выводом и говорить, что это испорченный ребенок и из него ничего хорошего не получится. Нужно просто попытаться понять его логику и объяснить ему подлинный смысл того, что происходит.

Одна девочка рассказывала, как она пыталась отговорить своих подруг раскрасить машину, которая стояла во дворе. Все стены вокруг этой машины девочки уже разрисовали граффити, и теперь их манил автомобиль. Когда дело было сделано, подруги дружно радовались тому, какой он стал «прикольный». Но тут во двор вышла хозяйка, и по ее реакции было件нятно, что она не разделяет их восторгов. Девочки решили, что сейчас начнутся разборки. Кто-то из них даже поинтересовался: «Что, родителей звать?» Но женщина ответила: «Ну зачем? Мы сами разберемся». Она нашла в себе силы сказать девочкам, что автомобиль выглядит очень красиво, но, к сожалению, на такой машине ездить по городу нельзя, поэтому она просит счистить краску. Девочки согласились.

Глава 2

Подросток в Церкви

Главное, что должны понять взрослые: храм – не то место, куда подростка вызывают на «смотрины» и где он должен себя показать. Это не олимпиада и не фестиваль.

Есть такой стереотип: мы делаем для наших детей все необходимое, «костями ложимся» ради них, а в ответ они должны соответствовать нашим ожиданиям. Подросток весь в долгах как в шелках: в школе он должен старательно учиться, дома – слушаться родителей, в гостях – вести себя культурно. Должен, должен...

Одного подростка спросили: «Что тебе нравится в храме?» Он ответил: «Это место, где не нужно врать. Так хочется иногда просто быть самим собой!»

Храм – это место, где ребенок не дает, а получает. Здесь он никому ничего не должен. Подросток идет в храм за любовью Божией. Эта мысль в большинстве случаев вовсе ускользает от внимания родителей и вслед за этим – из сознания детей. В результате мы получаем страшную ситуацию, когда не храм существует для ребенка, а ребенок – для храма. Церковь создана для человека, для его пользы, для его спасения – это очевидная мысль, но ее очевидность кажется скрытой от нас.

Отношение к детям сильно меняется в самой Библии, если мы будем сравнивать Ветхий и Новый Завет. В Ветхом Завете человеком считается тот, кто способен держать в руках оружие, сражаться, а еще работать, обеспечивая свою семью. В текстах есть понятие «мочащийся к стене»: оно относится к мальчикам, вышедшим из младенческого возраста, которые уже обладают относительной самостоятельностью, а значит, и шансом выжить, превратившись в будущем в воина. Однако до тех пор они считаются неполноценными взрослыми, недорослыми. Во время войны, стремясь уничтожить какой-либо народ полностью, стереть его с лица земли, военачальники отдавали приказ убить всякого *мочащегося к стене* – всех, кто представлял собой потенциальную угрозу (1 Цар. 25:22,34; 3 Цар. 14: 10,16:14,21: 21; 4 Цар. 9: 8).

В мирное время, пока ребенок был недорослым и жил в доме родителей, он являлся их собственностью, его положение было не лучше, чем положение слуг или рабов, даже если он был наследником.

Новый Завет произвел революцию в отношении взрослых людей к детям: он открыл нам, что ребенок в глазах Божьих не только не умален, но имеет некоторое превосходство, он обладает такими качествами и свойствами, которых нету взрослых, оказывается более полноценным и совершенным. Можно сказать, что современное отношение к ребенку, внимание к его духовному миру, само существование такой науки, как возрастная психология, – все эти достижения базируются на Новом Завете.

Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие. Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него (Мк. 10:13–15).

В ребенке усматривается не просто личность, а личность очень интересная и ценная именно с духовной точки зрения.

Церковные каноны

По церковным канонам дети включаются во взрослую духовную жизнь довольно рано.

С 7 лет ребенок уже начинает исповедоваться, а значит, он должен уже уметь оценивать свои поступки. У него формируется навык, который Церковь называет «испытанием совести». Без саморефлексии – критического взгляда на самого себя – невозможен духовный рост, невозможно развитие и формирование личности. Поэтому Церковь начинает приучать ребенка к

испытанию совести, к анализу своих поступков, к оценке их с точки зрения «хорошо» или «плохо», «добродетельно» или «греховно» со столь раннего возраста.

К 10 годам подросток уже может стать духовным родителем, крестным. Получается, что за эти три прошедших с первой исповеди года он уже научился отличать дурное от хорошего и потому может давать обещания за восприемника, с тем, чтобы затем передавать ему это умение.

В 13 лет, спустя еще три года, девушки, согласно христианским канонам Восточной церкви, могут вступать в брак. Юноши чуть позже – с 15 лет.

Как мы видим, взросление подростка происходит в очень сжатые сроки, его духовная зрелость даже опережает биологическую, что говорит о высоком уровне доверия Церкви к духовной жизни ребенка.

Серьезной ошибкой современных родителей является их неверие в способность детей к духовному росту. Не стоит думать, что вначале человек растет биологически, затем психологически, потом социально и уже на закате жизни – духовно. Мы движемся не от удовлетворения материальных потребностей к духовным. Виктор Франкл, австрийский психиатр, психолог и невролог, бывший узник нацистского концентрационного лагеря, считал, что именно смысл жизни является тем основанием, на котором строятся все составляющие жизни человека. Мы же привыкли смотреть на подростка как на отрицателя, которого нужно немедленно вернуть на путь истинный. Мы не замечаем, что перед нами – человек, который опытно проверяет истинность тех ценностей, которые в детстве ему казались несомненными.

Что происходит с верой подростка

Есть известная присказка, что жизнь настоящего мужчины делится на три периода: когда он безоговорочно верит в Деда Мороза, когда он категорически не верит в Деда Мороза, и время, когда он сам становится Дедом Морозом. Можно сказать, что-то подобное происходит и с верой человека, с его детскими представлениями о Боге. Поначалу они носят сказочный характер. Но подростковое мышление тяготеет к естественнонаучному мировоззрению, поэтому этот период действительно чреват отпадениями от Церкви и активным протестным отношением к ней.

Протоиерей Василий Зеньковский² пишет, что подросткам присущ стихийный детский атеизм: детские представления о Боге и вере у них разрушаются, а новые еще не заложены. Иногда случается, что на этом движение останавливается.

Я преподавал в лицее и, в числе прочих, вел предмет, который теперь называется «Основы православной культуры». И вот один мальчик заявил мне: «Я в Бога не верю. И даже не думайте меня агитировать». Я спросил: «Почему не веришь?» – «Все детство я верил рассказам взрослых про мстительное, злое, деспотичное существо, которому почему-то надо подчиняться. Но теперь я вырос и понял, что все это глупости». Я протянул ему руку и сказал: «Ну, значит, мы с тобой единомышленники».

– Почему? – «Я тоже не верю в такого Бога. Я с тобой полностью согласен». – «А в какого Бога верите вы?» – «Вот об этом мы и будем говорить на занятиях».

Так я стал свидетелем подтверждения идеи Зеньковского. Подростковый стихийный атеизм действительно существует! И, если мы начинаем проявлять уважение к ребенку, к его личности, его мышлению, к самым глупым, дурацким его вопросам, у нас появляется надежда вернуть ребенку Бога. Главное – чтобы он озвучивал эти вопросы. Вот почему так важно не утратить с ним контакт. Надо радоваться, когда дети задают вопросы.

² Протоиерей Василий Зеньковский – русский религиозный философ, богослов, культуролог и педагог.

Одна девочка написала письмо архиепископу Кентерберийскому. Он ответил ей, а в конце письма приписал: «Я тебя очень прошу об одном: никогда не бросай этой своей прекрасной привычки задавать вопросы. Даже если другим это кажется неприличным или глупым. Сохрани в себе это замечательное свойство».

Если ребенок усваивает формальную религиозность, его вера превращается в исполнение обряда. Она становится для него скучной и ненужной, и ему уже не хочется ходить в храм. Подросток еще не способен понимать, что все эти правила и обряды, казалось бы, чисто формальные, являются подспорьем для его духовного взросления.

Один двенадцатилетний мальчик очень хорошо чувствовал себя в храме. Церковь стала для него очень важным ресурсом, хотя он, конечно, этого не осознавал.

Родители подумали, подумали и попросили настоятеля взять его в алтарники. Батюшка ответил: «А зачем? Я не люблю, когда дети прислуживают в алтаре. Пусть он лучше молится в храме. Это родительская гордыня – протолкнуть ребенка поближе к тому месту, где идет богослужение, а потом хвалиться, показывая фотографии». Но родители настаивали: «В храме мальчик становится спокойным. Он чувствует себя здесь очень хорошо, уверенно, легче решаются потом его школьные проблемы. Хуже-то ведь не будет». И уговорили батюшку. Мальчик начал прислуживать в алтаре.

Однажды один из напарников нашего героя, взрослый парень, сделал в алтаре что-то нехорошее. «Как же так? – изумился подросток. – Это же святое место!» На что парень ответил ему: «Только никому не говори». – «Как, разве ты сам не скажешь об этом на исповеди?» – «Еще чего не хватало!»

Эти слова разрушили что-то очень важное в душе мальчика. Он не пришел на следующий день в алтарь и объявил, что больше не хочет туда ходить. А потом и вовсе перестал ходить в церковь.

Возможно, этому мальчику было плохо в привычной среде, и в храм он приходил как за крепкие стены, где нет наушничества, ссор, соперничества, насмешек и издевок – всего того, что его травмировало. Он искренне верил, что церковь – это другой мир, и, встретив в алтаре – в алтаре! – человека, который ничем не отличался от тех, мирских, решил для себя, что зло проникло и за стены храма. Как это принять? Спустя какое-то время он рассказал мне, что после этого церковь потеряла для него исключительное значение.

От ребенка нельзя ожидать зрелой веры и зрелых поступков. Думается, что подростков вообще не стоит пускать в алтарь, потому что в алтаре бывают сложные ситуации, особенно на большой праздник или на архиерейской службе, когда взрослые нервничают, стараясь провести службу без ошибок. Это естественное желание – красиво, благоговейно провести службу – погружает человека в суету, которая, конечно, понятна взрослому, но подростку может оказаться не по силам. Как мы уже говорили, ему свойственна категоричность. Если алтарь – это небо на земле, то пусть он небом на земле и будет. И никаких «но». Мышление подростка не гибко, для него не существует компромиссов в духовной жизни, и эту особенность возраста надо обязательно учитывать.

Мы, взрослые, забываем, что сами были когда-то столь же категоричными, для нас тоже существовало лишь черное и белое, и любой разрыв между делом и словом воспринимался как лживость. Категоричность, бескомпромиссность и принципиальность в духовном плане – это отличительные черты религиозности подростка. Позже он повзрослеет, к нему придет и гибкость, и мудрость, но сейчас он еще не может вместить полутонов, понять и простить разницу между евангельским призывом и его реализацией. И нам ни в коем случае не стоит провоцировать ребенка на какие-то подвиги веры.

В поисках автономии

Подросток замыкается, отрывается от родителей, создает свой внутренний мир, создает свои границы. Многие родители воспринимают это стремление к автономии как обиду, как если бы ребенок закрывался именно от них.

На самом деле у подростка существует потребность в том, чтобы поделиться с кем-то содержимым своего «секретного сада». Можно сказать, что он выделяет его из пространства родительской семьи, ребенок выходит оттуда, но это не значит, что он замыкается только на себе самом и становится эгоистом. Он закрылся от родителей, но у него появилось много специальных «комнаток»: для друзей, где, возможно, содержатся какие-то совместные шалости и общие секреты; для преподавателей, где формируется «представительская» сторона личности ребенка. Интересы родителей в этом «строительстве» учитываются в последнюю очередь, потому что до сих пор все пространство, вся территория души подростка была для них полностью открыта, и создавать сейчас что-то специальное для мамы с отцом просто нет сил. Есть только одно стремление – отвоевать хотя бы что-то для себя, для своего личного пользования.

В таинстве исповеди подросток учится открывать все комнатки своей души для Бога. Взрослый может сказать себе: «Ну, на Бога надейся, а сам не плошай. Ему вовсе не обязательно вникать во все мои дела и во все уголки моей души, что-то можно оставить для себя». Взрослые часто пребывают в вялой духовности. Они выстраивают для Бога отдельный «фасад», демонстрирующий только одну или несколько сторон личности. А подросток считает, что от Бога секретов быть не должно, и это – здоровый максимализм.

Бывает, что ребенок не хочет идти в церковь, замыкается в себе, не потому, что потерял интерес к вере, а потому, что чувствует, что должен открыть Богу все, но у него не хватает на это сил.

Поразительную историю рассказывал митрополит Антоний Сурожский «об одном человеке, который говорил, что он безбожник. Он уже был в зрелом возрасте, лет сорока тогда, и объяснял, что он безбожник, потому что он такой ученый, и то читал, и там учился, дипломы такие-то... И вот старый священник в Париже на него посмотрел и сказал: „Сашенька! А какую ты гадость сотворил, что тебе надо было Бога убить?“ Тот опешил, потому что он ожидал каких-то высоких доводов... И он задумался. И он копался, копался, и ему вдруг вспомнился тот момент, когда ему нужно было, чтобы Бог куда-то ушел от него.

Они жили тогда в России, еще до революции, и мальчик ходил в церковь, и шел в церковь немножко раньше родителей; родители ему давали медный грош, чтобы он его положил в шапку нищего, который у паперти стоял. Он проходил, клал этот грош, здоровался с этим нищим, который был слепой, и они как-то дружили, все было тепло, радостно, он шел в церковь, становился посреди церкви перед иконостасом и смотрел, ну, смотрел на Бога. Все было хорошо, пока вдруг в одной из лавок не появилась деревянная лошадка, которая стояла шесть грошей. Он мечтал об этой лошадке, но грошей-то у него не было. Он знал, что на Пасху, может быть, получит в подарок лошадку, на Пасха когда-то еще будет... И вдруг ему пришло на мысль, что, если бы он шесть недель сряду не клал свою милостыню в шапку этого старика, у него накопилось бы шесть грошей. Ион проходил, вместо того чтобы класть медянку, он тормозил другие, чтобы был какой-то звук денежный, старик его благодарил за это, благословлял за доброту, он входил... Один грош, второй грош, третий... Когда дошло до пяти грошей, ему не терпелось, и вместо того, чтобы, как в предыдущие воскресенья, потормозить для видимости, он один грош украл. И когда он вошел в церковь, ему все показалось темным, ему страшно было перед Богом. Ион ушел в угол, и потом в течение какого-то времени он стоял там в углу. А родители между собой разговаривали: „Как Саша повзрослел! Он раньше, как ребенок, стоял перед Богом, теперь он ушел внутрь, уходит вглубь себя, ему эта суета

не нужна". А на самом-то деле суть была в том, что у него было шесть грошей, украденных у нищего. И потом, когда настали каникулы, приехал его брат из университета, который наслышался о безбожии и который стал объяснять, что Бога нет, что философы все доказали и т. д. И мальчик обрадовался: если Бога нет, на мне нет греха, я не совершил никакого зла, я имею право на эту лошадку и на радость... Он лошадку купил и радовался. И в течение каких-то сорока лет он жил без Бога...»³.

Подростки действительно часто отказываются от встречи со священником именно потому, что не представляют себе какого-то иного общения, кроме абсолютно откровенного. Очень важно, чтобы священник смог соответствовать этим высочайшим ожиданиям, чтобы он поддержал подростка не столько добрым словом, сколько убедительным заверением, что Бог как раз и является самым главным советчиком и помощником.

Одна девушка-подросток ходила на исповедь только к одному батюшке. Если его не оказывалось на месте, она отказывалась исповедоваться. Такая позиция свидетельствует о том, что у подростка есть желание двигаться к Богу, но еще нет представления о том, что Бог всегда на его стороне. Когда батюшка это понял, он решил, что необходимо как можно скорее приводить эту девочку именно к Богу, чтобы она получала Его помощь независимо от того, кто принимает исповедь.

Как говорить с подростком о Боге

Совсем не обязательно доводить ребенка до какой-то экзистенциальной пустоты и только после этого пытаться обратить его к Богу. Мы должны закладывать новые представления о Нем постепенно, по мере взросления человека. Апостол Павел писал: *Вера от слышания* (Рим. 10:17). *Всякий, кто призовет имя Господне, спасется. Но как призывать Того, в Кого не уверовали? Как веровать в Того, о Ком не слыхали? Как слышать без проповедующего?... Прекрасны ноги благовестующих-миров!* (Рим. 10:13–15).

Вера у ребенка не возникнет на пустом месте, а значит, нужно как-то рассказывать ему о Боге. Как рассказывать – вот один из самых трудных вопросов.

Тут на помощь нам приходит замечательный русский педагог К. Д. Ушинский. Он считал, что, когда мы говорим с ребенком, очень важно забыть ту форму, в которой мы получили информацию, и изложить ее на языке, понятном ребенку. Как не вспомнить слова апостола Павла: *Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев... для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (1 Кор. 9:19–22).

Очень важно понимать, что мы ограничиваем не темы, мы ограничиваем лишь формы их подачи. Ответ «Ну, это тебе еще рано знать» – неправильный в корне. Рано излагать ответы на сложные вопросы в форме, предназначенной для взрослых, а дать представление об этом вопросе не рано: раз он возник, значит, пора отвечать.

Чтобы отважиться говорить с подростком серьезно о том, что Бог действительно любит всех людей, взрослому нужна его собственная убежденность в этом, его личная вера в эту правду. Если у нас есть личная вера, личный опыт, мы можем сказать ребенку: «Смотри, видишь, как Он меня любит, так же Он любит и тебя». Тогда все будет значительно проще. Иначе подросток усвоит не веру, а лишь какое-то относительное знание, что Бог – это четыре «щий»: Вездесущий, Всеведущий, Любящий и Всемогуший.

³ *Антоний, митр. Сурожский. Брак и семья: Ответы на вопросы. – М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2010.-С. 167–168.*

Подростков очень волнует тема теодицеи⁴. Они задаются вопросами, почему в мире существует зло, несправедливость и «куда смотрит» Бог.

Из письма подростка:

«Мам, ты думаешь, что Господь думает о наших жизнях? О жителях Зимбабве, которые вообще непонятно для чего пришли сюда? Все эти объяснения... что они Хамовы дети... КАК ЖЕ так? Если Господь и в самом деле о каждой жизни заботится? Как же Он мог пренебречь жизнями этих несчастных? Как же вселюбящий Господь так может поступать? Наказать негров... Если Он всех их обобщил, как Хамовых детей... Как Он все человечество наказал за провинность только двоих. Значит, Он и сейчас всех обобщает...

Нет, Библия – это легенды. Это ерунда. Это не Господь писал. Неужели Он так разделит человечество? Одним Он раскрыл все тайны, еще тогда, пять тысяч лет назад... Моисею... А мы? Чем мы хуже??? Мы такие же люди.

Нет, мам! Господь нам не раскрывал тайн и идеи мироздания... Он не разговаривал с нами. Не было этого».

Эти вопросы могут возникнуть и в 7, и в 8 лет, и нужно всегда быть готовыми говорить о них на понятном ребенку языке. А мы откладываем разговор на потом и думаем: «Ну, теодицея – это не школьная тема. Это для взрослых». Оказывается, школьная, а для некоторых подростков – это еще и насущный вопрос!

Особое детское пространство

Создание в церкви детского пространства помогает связать воедино духовную и обыденную жизнь подростка. Нельзя допускать, чтобы в восприятии подростка существовали две параллельные жизни – одна в храме и другая – за его стенами.

Дети чувствуют особенно остро, что храм – не просто пространство, это небо на земле, где и время, и события идут по своим законам. Из этого храмового пространства для ребенка обязательно должна быть сделана ступенька, переход к обыденной жизни. Ведь подросток может пока не знать, не догадываться, что Божьи наставления, Божья правда, ее красота и высота могут каким-то образом прилагаться к его личной жизни. Воскресная школа, подростковый клуб, подростковый лагерь для юных прихожан храма – это как раз и есть актуализация для ребенка тех духовных реалий, которые он чувствует. В этом особом пространстве школы или лагеря дети занимаются привычными вещами – рисуют, читают, лепят, ходят в походы – и одновременно осваивают духовные реалии, принципы духовной жизни и Слово Божие.

Подросток на исповеди

Нам иногда кажется, что подростки нечувствительны к греху, что они равнодушны, отстранены, живут в своем собственном мире. На самом деле подросток очень глубоко переживает грех и очень тяготится его повторением. К сожалению, самые мощные ресурсы человека, такие, как возможность исповедоваться, часто оказываются закрытыми для детей, и это большая беда.

Из письма подростка:

«Упадочное состояние. У меня все чаще такое настроение из-за мыслей о смысле. Зачем и за чем я пришла в этот мир? Я умру. Родители умрут. Кошмар какой.

Все дети тут бегают, безмятежные... беззаботные... И чего? Вырастут. Полюбят. Родят. Дети... Хочется детей. А зачем? Чтобы воспроизвести на свет очередного мученика

⁴ Теодицея – совокупность религиозно-философских доктрин, стремящихся согласовать идею благого Божественного управления миром с наличием зла.

и искателя? Или еще того хуже: заурядного элемента серого мирского общества? Потом все умрут. А потом чего? Иногда хочется поскорей “туда”. Увидеть. Узнать. Сдерживают только две вещи... Первая: у меня больше не будет возможности сюда вернуться, и, может быть, там будет еще хуже, или действительно постигнет кара за самовольное посещение “второго” мира без приглашения. Вторая: что, может, там действительно ничего нет. Тогда я потеряю жизнь тут и там ничего не приобрету...»

Наша задача – сориентировать подростка на активность в своей духовной жизни. Родители часто предлагают ребенку выбрать из готового списка названия тех грехов, в которых он намерен покаяться. Этот перечень, составленный «по всем правилам», и приносится священнику. «Жадность, сребролюбие, гортанобесие, лень, праздность», – читает батюшка. Какое отношение все эти абстрактные понятия имеют к конкретной жизни? Никакого. Когда священник просит подростка самостоятельно оценить свои поступки и назвать те, которые являются самыми нехорошими с его точки зрения, – вот тогда возникает совсем другая картина.

Очень трудно поставить знак равенства между абстрактно названным грехом и реальным случаем. Иногда название становится как бы ширмой, за которой скрывается серьезный грех. Например, «невоздержание глаз» ни о чем серьезном, кажется, не говорит, а на самом деле подросток подсматривал за родителями, за старшей сестрой или, оставшись дома в одиночестве, рассматривал «картинки» в интернете.

Родительская помощь подростку может заключаться в том, чтобы перенаправить его усилия с простого перечисления грехов на оценку своих действий, своих поступков. Можно предложить ему вспомнить случай, когда ему было очень-очень стыдно за что-то, когда он готов был бы все отдать, только бы это не повторилось. Что это за случаи – решать самому ребенку, это дело ребенка и Бога, ребенка и священника, но не родителей и не бабушек и дедушек. Самое большее, что они могут сделать, – туманно намекнуть на какие-то известные им случаи. При этом ребенок сам должен решать, что в его жизни является грехом, а что – нет, о чем стоит говорить на исповеди, а что не важно. Еще лучше – показать ему нечто подобное из опыта своей жизни, и особенно из детства. Эти рассказы наведут его на воспоминания и размышления о себе.

Когда мы ориентируем подростка на самоанализ, он действительно начинает серьезно оценивать свои действия, поступки, свою жизнь за прошедший от исповеди до исповеди период. Это та работа, которая его по-настоящему трогает. Он понимает, что вытащить этот случай, который он, может быть, даже сам с собой проговорить боялся, совсем не то же самое, что произнести вслух ничего особенно не значащее «праздность», «непочитание родителей»...

У подростка всегда есть на душе что-то, что его мучает, и помочь ему отыскать и вытащить болезненное переживание – значит не просто помочь осознать его. Порой мы таким образом помогаем ему избавиться от этих мучений. Да, иногда рассказ подростка может не соответствовать правилам, он будет не похож на покаяние, в нем может звучать обида, обвинение кого-то другого (подростки любят жаловаться).

Подросток активно вторгается в жизнь, он похож на естествоиспытателя, который открывает неведомую землю. Что делали все мудрые путешественники и первооткрыватели? Они старались найти себе проводника из числа местного населения. Вот и подростку тоже нужен такой проводник по этому миру страстей, искушений, грехопадений. Проводник, который помог бы разобраться, что на самом деле является грехом, а что нет.

Очень серьезным препятствием на пути к исповеди для подростка является факт повторяющегося греха. Поэтому взрослым нельзя давать ему такие установки: «Ай-ай-яй! Что же ты наделал! Ну ладно, на первый раз прощается, но чтобы больше такого не было». Это пустые слова, потому что, скорее всего, «такое» снова повторится, и не один раз.

Надо объяснить подростку, что в тот момент, когда мы только называем грех, когда мы его обнаруживаем и вскрываем, мы его как бы «засекли». Он уже известен нам, а значит,

стал менее опасным. Очень важно, что мы его заметили и оценили, осознали саму ситуацию как проблему, которая, может быть, сразу не решится, но проведенная нами работа – это уже хорошо. А чтобы победить грех, недостаточно простого решения: может быть, понадобятся определенные усилия. И своих собственных сил может не хватить, нам потребуется помощь Божия. Но главное, что впереди нас точно ждет победа над этим грехом и слава Божия, потому что все, что мы делаем, мы делаем во славу Божию. И от нашей веры, усердия, духовных усилий многое зависит, хотя и не все. Тогда подростку становится понятно, что если один и тот же грех будет снова появляться, но уже реже, этой маленькой победе можно радоваться.

Самое главное, что родители должны передать ребенку, – что не надо ассоциировать себя с грехом, считать его свойством своей души и думать, что по-другому быть уже не может. Вот сказали подростку: «хулиган», и он может в это поверить и начать вести себя соответствующим образом. Подростку нужно понять, что человек и его грех – это не одно и то же. По слову апостола Павла, грех может жить в нас и действовать, но это не то, чего мы на самом деле хотим: *Желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Добро, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех* (Рим. 7:18–20).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.